

МАША ТРАУБ

СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ

Маша Трауб

Собирайся, мы уезжаем

«ЭКСМО»

2006

Трауб М.

Собирайся, мы уезжаем / М. Трауб — «Эксмо», 2006

«Собирайся, мы уезжаем» – моя дебютная повесть. Редактор выловила ее из залежей папок, которые громоздились на подоконнике, заслоняя дневной свет. Это книга искренняя, наивная, одновременно жесткая, бескомпромиссная и пронзительная, какой может быть только первая проба пера. Заголовок – невыдуманная фраза, которую я часто слышала в детстве. Повесть стала бестселлером и определила мое творческое будущее. Маша Трауб

© Трауб М., 2006

© Эксмо, 2006

Маша Трауб

Собирайся, мы уезжаем

© Трауб М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пробка на бульваре в час пик. Марина сидела в машине в левом ряду с включенной аварийкой и чувствовала себя виноватой перед участниками движения. Хотя какое там движение. «Нашла, где встать!!!» Пытавшийся объехать Марину мужик на «Жигулях» опустил стекло и выплескивал эмоции. Она пожала плечами и отвернулась. Он был не первый. И явно не последний. Этот хоть не хамит по-настоящему. До него была дама на «Вольво». Не поленилась, нажала автоматический стеклоподъемник, показала знаками, чтобы Марина опустила стекло, и обложила площадной бранью. Такая ухоженная женщина. «В сторону, б..., не можешь отехать, б...». Это была первая фраза. Марина подняла стекло и дальше не слышала. Отвернулась. Перед глазами замелькали «Ролексы», «Паркеры», диски с данными МТС, книжечки с удостоверениями – уличные торговцы воспользовались ситуацией и трясли товаром. Подошла женщина с ребенком в «кенгурушнике» на груди. Очаровательная девчушка лет полутора с безучастным видом дрыгала правой ножкой. Ее мать сунула в стекло картонку – «Помогите на лечение ребенка». Марина полезла за кошельком и отдала пятьдесят рублей. Женщина кивнула и пошла к мужику с «Ролексами». Тот потрепал девчушку за щечку. Девочка не среагировала. Мать улыбалась. «Наверное, семья», – подумала Марина. В первый раз, когда она увидела эту женщину с ребенком, выходящую на бульвар как на работу, отдала сотню. Девочка тогда была совсем маленькой – месяцев шесть. Протягивая купюру, увидела, что у девочки зарумянились пухленькие щечки. Целый день на полусвежем воздухе, если такой бывает. С одной стороны – кислород, с другой – выхлопные газы. Во второй раз дала десятку. В третий – отвела глаза и проехала на метр вперед. «Нет, больше не дам». Марина ездила не так чтобы часто, но женщина всегда была на месте. Девочка росла. «Кенгурушник» становился мал. Картонка истрепалась. «Слава богу, что с девочкой все в порядке», – думала Марина.

Парень на «Ниссане» остановился прямо за ней – она его видела в зеркало. Вышел, пошел к ее машине. Она испугалась и щелкнула замком блокировки дверей. Парень постучался в стекло. Марина не среагировала, отвернулась. Он опять постучал. Она опустила стекло. Вместе со стеклом покатались слезы, как будто кто-то включил механизм.

– Что случилось? – спросил парень.

– Не знаю, – одними губами сказала Марина.

– Выйдите, я посмотрю, – предложил парень.

Марина не двигалась. «А вдруг он машину угонит? Хотя как он ее угонит, не заводится. Или сумочку украдет». Парень ждал. Марина медленно вылезла из машины. Он сел, поерзал, отодвинул сиденье. Повернул ключ. Глухо. Повернул еще раз. Вылез. «Давайте мы ее откатим. Вы садитесь, я толкну». Марина с благодарностью села за руль. Через десять минут она стояла на обочине. Парень вытирал руки.

- Спасибо, – сказала Марина, – сколько я вам должна?
- Да бросьте вы! – обиделся парень. – Эвакуатор вызвали?
- Да.
- Долго вам его ждать придется. Москва стоит. Ну ладно, удачи. Это точно двигатель.
- Спасибо. До свидания.

Марина успокоилась. Она больше никому не мешала. Даже решила включить радио. Сидела и рассматривала стоящие в пробке машины.

Мужик сосредоточенно давил прыщ на подбородке. «А говорят, что женщинам зеркало в машине нужно только для того, чтобы губы накрасить», – подумала Марина. А в этом автомобиле наверняка семейная драма. Мужчина за рулем кричит и жестикулирует, женщина сидит отвернувшись и смотрит в окно. Марина поймала ее взгляд. В другой машине малыш в детском автомобильном сиденье мусолит во рту ремень от сиденья вместе с собственным кулачком и остатками печенья. Его мать говорит по мобильному.

В окно постучали. Марина вздрогнула, испугалась, даже сердце ухнуло. Рядом с ее машиной стоял тот самый парень, который пытался помочь, и улыбался. Марина тоже вежливо улыбнулась.

- Здравствуйте еще раз. Вы что-то забыли? – спросила она.
- Да, – ответил парень. – С вами познакомиться.

«Ну вот, начинается». Марине вроде и было приятно – с ней давно никто не знакомился, – но очень хотелось побыть одной и успокоиться. Поддерживать беседу не было никакого желания, но послать подальше парня как-то неудобно.

- Меня Марина зовут, – сказала она.

– А меня Дима. Я сделал круг и вернулся. Решил с вами дождаться эвакуатора. Мало ли что?

– Спасибо за заботу. Очень приятно, – сказала Марина, продолжая улыбаться. Из головы не уходила мысль про деньги в сумочке и золотое кольцо от Тиффани на пальце. «Совсем одичала и перестала людям верить», – подумала она.

- Можно я к вам сяду? Или, хотите, в моей машине посидим? – предложил парень.
- Лучше вы к нам, – попыталась пошутить Марина.

Дима сел, поерзал, отодвинул сиденье, рассмотрел приборную доску. Марина переключала кнопки радио. Не очень-то он симпатичный. Простоватый. Не урод, конечно. Но так себе. Хотя она давно перестала замечать, интересен ли мужчина, – критерии смылись.

- Чем вы занимаетесь? – спросил Дима.
- В смысле? – не поняла Марина.
- Ну, вы работаете, учитесь?
- А-а-а, работаю, да, – ответила Марина. – А вы?
- И я работаю. А вы где? – спросил Дима.

Марина перебрала в уме варианты и выбрала, на ее взгляд, наиболее распространено-невинный. Она сразу решила, что правду говорить нельзя, и даже уже пожалела, что назвалась настоящим именем, а не какой-нибудь Настей или Светой.

- Я менеджер. В агентстве.
- Надо же какое совпадение. Я тоже менеджер. В агентстве. А вы в каком?
- В рекламном.
- А я в недвижимости.

Марине разговор уже надоел и хотелось спросить сразу: чего надо? «Самому надоест», – решила она. Сидела и молча тыкала кнопки радио.

- А вы как проводите свободное время? – продолжал расспрашивать Дима.
- Да нет этого свободного времени. В кино иногда выбираюсь. В фитнес-клуб хожу.

Тут Марина сказала чистую правду. Она должна была спросить: «А вы?» – но не спросила. Диму это не смутило.

– А я с друзьями люблю на дачу ездить, природа, шашлыки, речка рядом, лес, грибы. А вы любите за город ездить?

– Ненавижу, – искренне ответила она, – я городской житель, не могу без цивилизации. Из грибов признаю только шампиньоны.

– Это просто вы не в той компании ездили. Или не в то место. Если бы с нами поехали, вам бы обязательно понравилось, – Дима говорил уверенно, убежденный в собственной правоте.

Марине стало совсем тоскливо. Если первые минуты она сомневалась – приятный, неприятный, то теперь определилась – точно не ее тип.

– Дим, я правда вам очень благодарна за помощь. Не поймите меня неправильно, но я сейчас не готова к новым знакомствам. Так что вы зря теряете время. Со мной у вас ничего не получится, – сказала она, надеясь, что это не прозвучало слишком грубо.

– Марин, вам действительно на природу надо. Вы думаете, что я к вам клеюсь? И в сумочку вцепились мертвой хваткой. Бойтесь, что украду? Почему нужно сразу думать плохое? Вы мне, конечно, понравились. Но у вас такой несчастный и потерянный вид был, что мне захотелось вернуться и просто с вами поговорить. Что в этом такого? Не собираюсь я вас в койку тащить. Во всяком случае, сразу. Потом посмотрим.

– Ну, спасибо за прямоту. – Марина даже рассмеялась. – Я просто не привыкла откровенничать с малознакомыми мужчинами. Да и на улице никогда ни с кем не знакомилась.

– А вы представьте, что мы попутчики в поезде или соседи по креслам в самолете. Вы расскажете мне про себя, я вам – про себя. И мы больше никогда не увидимся. Поэтому можно говорить правду, не опасаясь за последствия.

– Дим, это глупо. Мы не в поезде. Да и соседу в самолете я вряд ли буду выворачивать душу наизнанку.

– Вы просто не пробовали. Попробуйте. Все равно вам делать нечего. Хотите, я начну?

– Ну давайте, – сдалась она.

– Значит, так. Я – Дима. Мне тридцать лет. Работаю. Не женат. Видите, как просто?

– Хорошо. Я – Марина, мне тридцать лет. Работаю. Не замужем.

– Надо же, а вы выглядите моложе, – сказал Дима.

– Спасибо. Вы тоже.

– А расскажите о том, что пришло в голову. Прямо сейчас. Не волнуйтесь, вы меня больше никогда не увидите.

– Вы что, психотерапевтом подрабатываете? Не собираюсь я вам ничего рассказывать. И действительно, спасибо за хлопоты, но я справлюсь сама. Извините, – сказала резко, как хотела. На Диму это не произвело никакого впечатления. «Как об стену горох», – подумала она.

– А знаете, почему я вернулся? Вы очень похожи на девушку, в которую я был влюблен в школе. Или она на вас.

– Очень неправдоподобно и пошло к тому же. Я не читаю любовных романов, поэтому в лирические истории про безответную школьную любовь не верю. Неужели не понятно, я позволила вам сесть в машину из вежливости. И из вежливости поддерживаю этот дурацкий разговор. И если вы не против, Дима, я хочу дождаться эвакуатора в одиночестве.

– Да-да, конечно. Простите. До свидания. Хотя знаете, вот моя визитка. Захотите поговорить, позвоните. Или выбросьте. До свидания.

Дима хлопнул дверцей. Марина смотрела на него в зеркало. Широкие плечи. Хорошо одет. «А почему бы и нет?» Она схватила визитку и набрала номер мобильного. Дима ответил: «Алле?» Марина сказала: «Возвращайтесь». Он вернулся и плюхнулся на сиденье.

– Теперь у меня есть номер твоего мобильного, – сказал Дима, перейдя на «ты».

– Ну и что ты хочешь узнать? – спросила Марина.

– А что ты хотела бы рассказать?

Марина росла самостоятельно. Мать направляла, но не помогала. У Марины не было воспоминаний детства – только отрывки, вспышки.

Самое первое – они переехали в новую квартиру. Четырехлетняя Марина зашла в комнату и увидела своих кукол – в большой коробке. У любимой, самой большой, самой красивой, была оторвана рука. Рукав «фонариком» сдулся и висел культей. Марина заплакала. Мать, занятая переездом, не успокаивала. Подошла, пошуровала в коробке, достала оторванную руку, засунула в туловище, расправила платье, отдала куклу дочери и ушла ругаться с грузчиками. Марина поняла, что кукла не настоящая подружка. Ей можно оторвать и приставить назад руку, и будет как прежде. Она методично отрывала у куклы руки, потом ноги, голову. Стянула платье и надела на другую куклу. А части тела этой, самой главной куклы в игрушечной иерархии, собрала и засунула в ведро, стоящее в коридоре – с остатками то ли краски, то ли побелки.

Утром у Марины поднялась температура. Мать, спеша на работу, позвала соседку по лестничной площадке – тетю Люсю, с которой вчера и познакомилась. Тетя Люся забрала Марину к себе. У соседки была красная квартира – красный диван, красный ковер на стене. Марина лежала на диване и замирала от ужаса и восторга, боясь пошевелиться и сходить в туалет – вдруг он тоже красный? Так и пролежала на мокрой простыне до вечера, пока не пришла забирать мать. Марина плакала и боялась встать, потому что было стыдно. Уставшая мать нервничала, уговаривала надрывным голосом, сердилась. Марина, плача, не заметила, как заснула. Проснулась уже в своей комнате, в своей кровати. Еще долго потом она боялась посмотреть на тетю Люсю. Здоровалась, уставившись в пол.

Еще Марина любила утро. Потому что утром было все понятно. Мать плевала в узенькую коробочку на черную ссохшуюся краску, терла кисточкой и, корча рожи в зеркале, красила ресницы. Потом выливала из бутылки противно пахнущую жидкость – пиво, заменявшее лак для волос, – и терла волосы. Мать варила кофе, кофе всегда убегал. Она терла тряпкой плиту, подсушивая над газовой конфоркой волосы. Однажды, правда, включила газ, а зажженную спичку поднесла к голове. Волосы вспыхнули. Мать испуганно смотрела на свою руку с обугленной спичкой. Марина подбежала и накинула ей на голову полотенце. Мать кивнула и ушла в ванную.

На лестничной площадке по утрам подавал голос Ванька – сын тети Люси, Маринин ровесник. «Пора выходить», – говорила мать, и они шли в детский сад. Сад был рядом с домом, из их окна была видна веранда для игр. В старшей группе Марина ходила туда одна – мать не успевала отвести. Шла и плакала все двести-триста метров. Потому что дети шли с кем-то, а она одна. С Ванькой Марина ходить отказывалась – он ковырялся в носу и ел козявки, пока мать не видит. Марина хранила его секрет, но составлять ему компанию отказывалась с истерикой.

По вечерам Марина не всегда уходила домой. Когда была смена воспитательницы Нины Павловны, она ночевала у нее. Мать задерживалась на второй работе. У нее вообще никогда не было одной работы, как у всех родителей. Две или три. Сначала нужно было ехать на одну, потом на другую. Когда у Марины спрашивали: «Кем работает мама?» – она молчала и не говорила. Ее мама была юристом. Не учительницей или врачом, как хотелось бы Марине, а непонятным юристом.

У Нины Павловны Марине нравилось оставаться – там был попугайчик в клетке. Марину клали на высокую кровать и давали на ночь что-нибудь вкусненькое. Марина очень гордилась, когда утром шла в сад с Ниной Павловной. Во-первых, не одна. Во-вторых, с самой воспитательницей.

Маленькая Марина боялась мать, не понимала ее и иногда жалела. Как-то вечером они шли из сада домой. Мать молчала, хотя они обычно играли по дороге в слова. Мама называла слово – «арбуз», а Марина должна была назвать слово на «з» – «заяц». Слова часто были одни и те же, и это тоже успокаивало. Они зашли в подъезд, подошли к лифту. Мать достала связку ключей и стала ковыряться ключом в порванной резине лифтовых дверей. Марина стояла молча и смотрела. Потом сказала: «Мам, можно, я нажму кнопку, лифт вызвать?» – «Давай не сейчас, ладно? Я так устала на работе», – ответила мать, засовывая ключ в дверь лифта. Марина все-таки нажала на кнопку. Лифт приехал, двери открылись. Мать постояла в недоумении, а потом Марина увидела, что по ее щеке катится слеза. «Я просто очень устала», – сказала мама.

В первый класс они опоздали. Точнее, сначала пришли на час раньше – что-то случилось с часами. Еще боялись, что опаздывают, – Марина шлепнула яичницу на белый фартук, и мать лихорадочно замывала пятно. Они пришли в пустой школьный двор. Мама нашла дворника, тихо сказала неприличное слово, и они пошли домой. Марина сидела на кухне, мама разговаривала по телефону. Пошли опять и опоздали на линейку. Бегали по пустым коридорам – искали класс. Мать завела Марину в класс и убежала на работу. Все уже сидели за партами. Марина стояла перед одноклассниками с потрепанным в беголке букетом астр. Учительница – Светлана Аркадьевна – сказала: «Какие красивые у тебя цветы. Ты знаешь, как они называются?» – «Ромашки», – выдавила Марина и расплакалась. Дети засмеялись. Ее посадили на заднюю парту с каким-то мальчишкой. «Ромашки. Ы-ы-ы-ы», – передразнил Марину мальчишка. Все опять засмеялись.

Вечером Марина устроила истерику, отказываясь идти в школу. Мать допытывалась: «Почему?» Марина молчала. Утром у нее поднялась температура, и она две недели просидела дома. В один из вечеров к ним пришла Светлана Аркадьевна. Марина боялась, что ее будут ругать, выгонят из школы за то, что она сказала «ромашки», а не «астры», и сидела в своей комнате, боясь дышать. Но мать увела гостью на кухню и разлила по рюмкам коньяк. Марина по звуку определила, что мать поставила варить кофе – значит, гадать будет. Потом затрещала пишущая машинка – Марина часто засыпала под этот звук. Мать печатала документы, чтобы помочь кому-то разделить имущество или получить наследство. «Зачем Светлане Аркадьевне чужое имущество?» – удивилась Марина и заснула. После выздоровления ее пересадили на первую парту, с девочкой.

Марина всегда хотела увидеть хоть одну из работ матери, но мать говорила: «Нечего тебе там делать». Случай представился, когда Марина училась во втором классе. Тогда умер Черненко, и школа не работала. Девать Марину было некуда. Мама привезла ее в огромное серое здание, завела в кабинет, посадила за стол, на котором стояла машинка, дала кипу листов и показала, как их заправлять. «Можешь что-нибудь напечатать. Я скоро вернусь», – сказала она и ушла на общее собрание коллектива по случаю смерти генерального секретаря.

Марина осталась одна в запертом кабинете. Вставила лист, как показывала мать, и три раза напечатала алфавит. Было интересно искать буквы на клавиатуре. Вдруг она услышала строгий громкий голос: «Встаньте, товарищи, объявляется минута молчания». Марина от испуга вскочила со стула и замерла. Играла грустная музыка. Потом затикали часы. Марина стояла и плакала от испуга. Почувствовала, как колготки стали мокрые, и заплакала навзрыд от стыда. Когда мать зашла в кабинет с чужими людьми, Марина стояла ровненько, держа спину, и тихо плакала. Мать кинулась к ней, обняла, начала успокаивать. «Какой мудака оставил радио включенным? – спросила мать коллег. – Поехали домой, ничего страшного», – сказала она Марине.

По дороге они заехали в «Детский мир» и купили огромную черную плюшевую обезьяну. Обезьяна была страшная, с кровавой раной вместо рта, и Марине она совсем не нравилась. Но

сказать матери об этом она не решилась. Мать отдала ей пакет с обезьяной, и Марина держала его на вытянутой руке – боялась, что пакет дотронется до ноги в уже высохшей колготке и обезьяна ее укусит.

Летом они уезжали на море. Мама приходила и говорила: «Собирайся, мы уезжаем». Марина очень боялась ездить – ей казалось, что они не вернутся.

Первые два-три дня они ходили купаться, мать играла с ней в крестики-нолики, заплетала косички по утрам. Марина была счастлива. Иногда на мать находило, и она «бралась за дочь». Подговаривала ребят из числа отдыхающих, тех, кто повыше, они делали руки замком, а Марина должна была залезть на руки и прыгнуть с пирса и с рук «рыбкой». Войти без брызг. Если больно ударялась об воду животом, нужно было прыгнуть еще раз – правильно.

Или мама брала катамаран и увозила Марину далеко от берега. Там произносила всегда одну и ту же фразу: «По-хорошему или по-плохому?» Если Марина выбирала «по-хорошему», то она должна была сама прыгнуть в глубину с катамарана и доплыть до берега. Если по-плохому, то мать ее просто сбрасывала в воду и крутила педалями, чтобы Марина не догнала. Марина боялась медуз и глубины, но еще больше она боялась разочаровать или расстроить маму. Поэтому держала свои страхи при себе, за сжатыми зубами, и прыгала «рыбкой» или плыла.

Но это было лучше последующих дней, когда мать «забирали» соседки по жилью – поговорить, посоветоваться. Мать работала юрисконсультом даже на отдыхе. Плату брала натурой – проживанием, например, или вином с фруктами. Марину сдавали на руки старшим девочкам – хозяйским, соседским. Потом мать садилась и считала деньги. Денег до конца отпуска всегда не хватало. «Я пошла играть. Ты знаешь, что делать», – говорила мама.

Маринина мать была игроком. Преферанс, нарды, шахматы, шашки. Подходило все, что передвигалось и уместалось на столе. Только на деньги. Мать играла блестяще, но рисковала и заигрывалась. Марина ждала, когда большая стрелка дойдет до двенадцати, а маленькая – до одиннадцати, и шла забирать – днем мать всегда показывала ей дорогу, место, где будет играть, и назначала время. Марина приходила, стучалась, заходила в прокуренную комнату, где сидели страшные мужчины, и говорила: «Мама, пойдем». Мать вскакивала, улыбалась, отшучивалась, забирала выигрыш и убегала. Отыгаться обещала завтра. Так они доживали до конца отпуска.

Назад всегда ехали отдельно – мать в купе, Марина у проводницы. Билеты были «оторваны» в день отъезда, а последняя красная потная десятка сунута в руку сердобольной женщине со значком-птичкой на груди.

Когда Марина была в третьем классе, мать отправила ее жить к бабушке, на Кавказ. Пришла и, как обычно, внезапно сказала: «Собирайся, ты уезжаешь».

– Мы уезжаем? – переспросила Марина.

– Нет, ты уезжаешь. Одна. У меня работа. Ничего, двое суток, и будешь на месте.

– А куда?

– К бабушке. Она тебя встретит.

Бабушка жила в Осетии. Где находится это место, Марина не знала, но название было очень красивое. На вокзале мать привычно завела Марину в купе проводницы, Марина все хотела признаться матери, что бабушку плохо помнит. Только запах и старое платье с большими пуговицами. Но мать сначала разговаривала с проводницей, а потом заспешила на работу. Даже отхода поезда не стала ждать.

Проводница кормила Марину пирогами и курицей. Через двое суток высадила на пустой станции. Марина стояла с чемоданом на перроне – ее никто не встречал. Подошел сторож и спросил что-то по-осетински. Марина не поняла. Взяла чемодан и села на лавочку. Сторож ушел и через пять минут вернулся с женщиной. Женщина спросила по-русски: «Чья ты

девочка?» – «Мамина», – ответила Марина. Потом подумала и добавила: «Меня зовут Марина Крылова. Я из Москвы приехала. К бабушке». – «Хорошо», – сказала женщина и ушла. Еще через пять минут они вернулись уже втроем – сторож, женщина и старик. Старик взял чемодан и сказал что-то по-осетински. «Иди с ним, – сказала женщина по-русски. – Он тебя отвезет». – И сунула в руку Марине что-то твердое и зеленое, завернутое в промасленный пакет. Марина, держа сверток, пошла за стариком, села в машину. Осторожно развернула сверток. Старик посмотрел и опять что-то сказал. Она не поняла. Старик пошамкал губами: «Кюшай». Она отломил кусочек и положила в рот. Ничего вкуснее в жизни не ела. Халва с семечками.

Ехали недолго. Старик остановился, сказал по-русски: «Виходи». Они зашли в какое-то здание, где Марина почувствовала незнакомый запах. В помещении стояли огромные шумные машины. Они шлепали плитами на огромные листы бумаги. На бумагах оставались отпечатки. «Вперед», – прочитала Марина на верхнем листе. Между машинами к ней пробиралась женщина с черными пальцами и листьями под мышкой. «Мариночка...» – выдохнула женщина и обняла Марину. Она узнала женщину сразу – грудь, к которой прижалась Марина, пахла бабушкой. Они пошли в кабинет – бабушка оказалась главным редактором местной газеты. Бабушка крутила телефонный диск, дергая перемотанный изолентой шнур и мешая русские слова с осетинскими, требовала соединить с Москвой немедленно. Марине принесли пироги и курицу. Бабушке дали Москву. Она материлась, не обращая внимания на внучку. «Ты, твою мать, позвонить не могла? Куда ты ребенка одного отправила? Звонила? Плохо звонила. Да, все в порядке. Ее привезли. Ты ей хоть фамилию мою могла сказать? Она на станции сидела одна. Все, знать тебя не хочу. – И без перехода: – Пойдем, Мариночка, домой».

Впрочем, бабушка тоже была мастером экспромтов. Мать достала им путевки в пансионат. В Плес. По плану три недели на Волге. Потом на самолете в Москву. Оттуда, через день, в Осетию. Что уж там случилось, Марина не поняла. Но они ехали, точнее, плыли в Москву на пароходе – белом, огромном. Марина стояла на палубе и пускала мыльные пузыри. Еще было весело стоять и махать рукой людям на берегу. Они приплыли в Москву. Бабушка поймала такси и дала адрес. Марина хотела поскорее приехать и рассказать матери, какой у них был красивый пароход. Бабушка нажала дверной звонок. Никто не открыл. Бабушка толкнула дверь – открыто. На кухне сидела мать с серым лицом и пила коньяк. Медленно повернула голову и увидела бабушку и Марину. Взяла рюмку и швырнула в стену. Туда же полетела бутылка. На стене расплзлось пятно, стекая пахучими полосками на пол. Марину отправили в «свою» комнату. Но она слышала рассказ матери о том, как она обзвонила все больницы и морги в Плесе, Москве и в городах по дороге. Объявила мать и дочь в розыск – пошла вторая неделя с того дня, когда она ждала их в аэропорту. Бабушка тихо оправдывалась – поменялась с одной женщиной бронью на билеты. Той срочно нужно было в Москву, что-то случилось. Бабушка звонила, но Москву или не давали, или был занят номер.

У Марины в Осетии оказался дед. Она его так и называла – дед, потому что имени не знала, ей никто не сказал, а спросить стеснялась. Дед вязал веники. Красивые. Большие и маленькие. Широкие и узкие. Она стояла и смотрела – дед раскладывает прутья, перетягивает веревкой, разделяет на равные части, опять перетягивает, обрезает лишнее коротким ножом. Марине он связал из колосьев куклу и персональный веничек с узкой ручкой, чтобы было удобно держать.

Утром бабушка убегала в редакцию, а Марина мела своим новым веником двор, кормила кур, гладила белье, носила воду. Ждала, что придет мать. Но она не приезжала. В сентябре Марина пошла в школу. Она лучше всех говорила по-русски, и ее не дразнили. Бабушка, пропадавшая целыми днями в редакции, отвела внучку в музыкалку, и Марина стала играть на фортепиано и на осетинской гармошке.

Здесь, в Осетии, все было по-другому – со свадьбами, где им, детям, давали охапками конфеты, с баранами, которых они ходили пасти, с кукурузой, которую они собирали всем двором, с бабушкой, которая показывала ей, как из букв получаются гранки, а потом выходит газета. Марина бойко говорила по-осетински и на вопрос: «Чья ты девочка?» – привычно отвечала: «Кураевой». Она и на обложке тетради привыкла писать: «Тетрадь Марины Кураевой». Бабушка была уважаемым человеком, и Марину никогда не отпускали из гостей без сладкого, куска пирога... За два года Марина забыла о том, что может быть другая жизнь.

«Твоя мама приехала», – крикнула одноклассница Фатима Марине в школе. В классе появилась небесной красоты женщина – блондинка, в голубом платье. «Мама?» – тихо спросила Марина. Женщина засмеялась, погладила Марину по косичке и ушла. Весь класс кинулся к окнам – посмотреть на видение. Марина убежала в туалет плакать – ей было обидно, что это не ее мама, а гостя из района с проверкой.

После школы, когда Марина пришла домой, ее никто не встретил. Она зашла на летнюю кухню – пристройку к домику – и увидела коротко стриженную женщину в желтых штанах, которая жадно пила из трехлитровой банки парное молоко. «Бабушка!» – заголосила Марина и кинулась вон из кухни. «Мариночка, это же мама, ты что, не узнала?» – успокаивала бабушка перепуганную вусмерть Марину. Женщина в желтых штанах и с молочными усами над верхней губой, кинувшись к сумке, протянула Марине яркие коробки. Марина спряталась за бабушку и боялась выглянуть из-за спины. У женщины были барашки на голове – такого Марина никогда не видела. «Господи, ну что ты как Арлекино? Не могла нормально одеться?» – бурчала бабушка, выталкивая рукой Марину из-за спины. Марина все-таки подошла к матери, быстро схватила в охапку подарки, переделась и выскочила за ворота во двор. Там ее обступили соседские друзья, которым она по очереди раздавала пластинки, пахнущие клубникой. Когда Марина вернулась, мать сказала: «Собирайся, мы уезжаем». В этот момент Марина признала мать.

Они сели в одном купе. Бабушка стояла на перроне и плакала. Марина сжимала в руках кулек с пирогом и курицей и промасленный пакет с халвой, купленной в привокзальном магазине.

Они уехали в северный город за северными надбавками. В аэропорту их встречал мужчина. «Это твой отец», – сказала мать. «Здравствуйте», – вежливо поздоровалась Марина. Долго ехали в машине. Вдалеке, прямо в небе, горели огромные костры. «Красиво», – сказала Марина. «Нефть горит», – объяснила мать. Марина устала смотреть на костры и украдкой стала разглядывать отца, которого никогда прежде не видела. Нос, подбородок, шея, рука. На руке, чуть выше кисти, синел волк. «А это что?» – спросила Марина и дотронулась до волка. «Татуировка», – объяснила мать.

Марина не знала, что такое нефть и татуировка. Она вообще многого не понимала из того, что говорила мать. Но по привычке боялась уточнить.

Привычка делать вид, что все понятно, появилась после того, как мать усадила Марину за шахматную доску и стала учить играть в шахматы. Марина запомнила только фигуру конь, потому что она выглядела как конь, и что она ходит буквой «г». Больше ничего не запомнила. «Бестолочь», – сказала мать и сбросила фигуры с доски. – Каспаров с пяти лет играл». Кто такой Каспаров, Марина не знала. Но ей было стыдно, что она не Каспаров, а бестолочь. Правда, бабушка научила ее играть в шашки. Марина обыгрывала бабушку и даже написала письмо в «Пионерскую правду», разгадав шашечный этюд в три хода. Она чувствовала, что готова сыграть с матерью. Разложила доску, расставила шашки, привела маму. Та через три хода попала в дамки. Еще через два жестоко обыграла дочь. «Бестолочь», – сказала мать и ушла. Марина сидела с опущенной головой. Слезы с соплями капали на доску. Больше Марина не играла.

В северном городе они жили в двухэтажном доме. Их квартира – две крошечные комнаты – была по местным меркам роскошной. В Марининой комнате дрожало от ветра заклеенное пластырем треснувшее окно и стоял всегда включенный обогреватель. В ванной из крана текла ржавая вода, раковина и сидячее эмалированное корытце были коричневого цвета с подпалинами. Марина перестала мыть голову. Мать кричала, что дочь – засранка, ходит с салными патлами и на нее противно смотреть. Марина просто боялась мыть голову и скрывала от матери причину неожиданно появившейся фобии. Однажды она сидела в ванной и намыливала голову. Душем смыла пену. Вместе с пеной в водопроводную дыру утекали ее волосы – длинные. Они застревали на решетке, наматывались, отрывались и уплывали в черный водопровод. Волосы Марине были нужны – она зачесывала их на лицо, считая себя непривлекательной.

В конце концов, устав от скандалов, Марина призналась, что боится облысеть, если будет мыться. Мать не стала орать, а пошла к холодильнику. Достала яйца, разбила в миску сразу три штуки и дала Марине: «Мой голову яйцами». Марина испугалась – мать точно сошла с ума. За этими яйцами они отстояли сорок минут на тридцатипятиградусном морозе. Взяли сразу три десятка. Несли в стоящих колом варежках. Этих яиц должно было хватить на месяц – до следующего привоза.

Мама спасла Марине волосы.

Марина продолжала ходить в музыкальную школу. Правда, занятия были уже не в радость. У нее все время болели кисти рук – однажды забыла дома варежки и двадцать минут шла по морозу в школу, засунув руки в рукава, как в муфту. Играла плохо, и на нее жаловались учителя – девочка мало занимается, ленится. Мать открывала крышку взятого напрокат пианино и вешала на струны махровое полотенце, чтобы не разбудить соседей по дому с фанерными перекрытиями. Марина ночами сидела на подложенном на стул толковом словаре, чтобы было повыше, и беззвучно стучала по клавишам. Кисти сводило и крутило.

В один из вечеров Марина зашла в ванную, вынула из отцовской бритвы лезвие и полоснула по пальцу. Хлынула кровь, боли не было. Она упала в обморок в узкий простенок. Очнувшись от холода, тянущего по полу. Ванная была залита кровью. Марина перебинтовала палец и одной рукой стала отмывать ванную. Бинт на руке набухал красным, Марина снимала, наматывала очередной рулон. Матери сказала, что случайно порезалась. Два месяца она не ходила в музыкальную школу и не снимала перчатки. Боль отпустила руки. На пальце остался шрам.

Отца Марина совсем не знала и практически не видела. Но она его любила. Потому что он умел рисовать – стенгазету, пейзаж для показательного урока, плакат для демонстрации – писал красивыми, ровными буквами.

Прошло два года. Два пустых, холодных года. У Марины не было подруг, друзей, увлечений. Она сидела дома и читала. В школу можно было не ходить – «активированные дни», когда температура опускалась ниже допустимой для выхода на улицу отметки, длились неделями. Музыкалка по-прежнему не приносила радости – руки иногда ныли, хотя это были скорее фантомные боли. К тому же там вечно прорывало батареи.

В один из обычных дней с работы приехала мать. Счистила снег с валенок, отколупнула ледышки с варежек. «Собирайся, мы уезжаем», – сказала она Марине. «Куда?» – спросила Марина, потому что в силу возраста – четырнадцать лет – стала задавать «неудобные» вопросы. «В Москву», – ответила мать. «А папа?» – спросила Марина. «Какой он тебе, на хрен, папа?» – тихо сказала мать, даже как-то удивленно.

Они приехали в аэропорт. «Никуда не отходи от вещей. Я скоро», – сказала мать и ушла. Марина сидела посреди зала на тюках – ковер, книги, чемоданы... Мать не вернулась ни через час, ни через два. Марина хотела подойти к дежурному милиционеру, спросить, не знает ли он, где ее мама, но боялась оставить вещи. Марина уснула на скатанном в рулон ковре. Проснулась оттого, что мать трясла ее за плечо и совала в руку яблоко. «Просыпайся, побежали». Они

схватили вещи, яблоко упало на грязный пол. Голодная, замерзшая и испуганная, Марина с тех пор полюбила самолетную еду – застывшая жижа в пластиковой посуде растекалась по пищеводу и пучила живот. Марина спросила мать, можно ли взять с собой прямоугольную тарелку и пластмассовую кружечку. Мать разрешила.

«Зато теперь тебе ничего не страшно», – сказала она то ли дочери, то ли сама себе. Марина не поняла смысл фразы, но на всякий случай по привычке кивнула. Они прилетели в Иваново, где должны были переночевать. Билетов на прямой рейс не было, и они летели в Москву через Иваново. Маленький гостиничный номер, две кровати и белая-белая вода, текущая из-под крана. Марина лежала в кровати под пахнущим хлоркой пододеяльником и смотрела, как трясется люстра. Мать, сидя на соседней кровати, звонила в Осетию, бабушке. «Нет, все нормально. Не волнуйся. Завтра улетим. Да, получится. Она спит». Утром Марина увидела, что лицо матери осунулось, а между бровями так и не расправилась морщина. «А вчера у нас было землетрясение», – чужим голосом сообщила она новость дочери и грохнула об пол казенную вазу. Пришла женщина-администратор, мать отдала деньги за испорченное имущество, и они побежали в аэропорт.

Первый день в Москве Марина помнила отчетливо. Они поехали в «Детский мир» покупать новую школьную форму – синий костюм-тройку. Еще купили рубашку в тон, туфли и колготки. На входе в метро мать забрала пакеты. «Ты сядешь на этот поезд, доедешь до кольцевой, сделаешь пересадку – там есть схема, посмотри, потом от метро на 233-м автобусе, вот тебе наш адрес и ключи. Как доедешь, позвони по этому телефону», – говорила она, всовывая в руку Марины бумажки. «Мамочка, пожалуйста, не оставляй меня. Я тебя очень люблю. Я буду хорошо учиться. Я не буду тебе мешать работать. Я все сделаю, что ты скажешь», – плакала Марина, цепляясь за материнскую шею. Мать резко сдернула руки, сжала и тихо спросила: «А что ты будешь делать, если я умру?» – «Нет, мамочка, нет, пожалуйста!» – рыдала Марина. «Я должна знать, что ты не пропадешь. Ты должна научиться выживать». Мать вложила ей в ладонь две пятикопеечные монеты и ушла, ни разу не обернувшись. Марина стояла и плакала. До дому она, как ни странно, добралась легко. Пересела на кольцевой, быстро подошел автобус, узнала дом, позвонила, сказала: «Я дома, мама». Мать не похвалила, просто сказала: «Хорошо», – и повесила трубку.

Марина вернулась в школу, в которой проучилась первые два класса – до отъезда в Осетию. На второй день девочки-одноклассницы собрались в туалете и разбили Марине губу об раковину – «чтобы не зазнавалась». Марина не носила пионерский галстук. Из-за бесконечных переездов ее просто забыли принять в пионеры. В северной школе в галстуках вообще практически никто не ходил. В их городке алые треугольники не продавались – за ними нужно было ездить на Большую землю. А с Большой земли везли продукты и теплые вещи, а не символ пионерии.

Зато Марина носила золотые сережки – подарок бабушки. Маленькие желтые цветочки. В московской школе украшения были запрещены – директриса была озабочена идеей социального равенства. Девочки-одноклассницы сказали, чтобы Марина сняла сережки. Та отказалась. Ленка, классная красotka с рано развившимися формами и инициатор разборок, больно дернула Марину за мочку уха – хотела сорвать сережку. Марина взяла стул, размахнулась и саданула Ленке в бок – на Севере она научилась давать сдачи. Только там вместо стула использовались железные прутья. Ленка разрыдалась скорее от испуга и неожиданности, чем от боли. После уроков девчонки во главе с Ленкой затащили новенькую в туалет и несколько раз, держа за волосы, ударили лицом о край раковины. Ленка стояла, смотрела и командовала: «Еще, еще».

Марина пришла домой с распухшим лицом и кровоточащей губой. Мать посмотрела, прошлась по губе перекисью водорода и строго сказала: «Это твои дела. Разбирайся сама».

Марина пересела на заднюю парту и дала списать диктант Славке – главному хулигану класса. Марина не хотела делать больно Ленке, она хотела ее унижить, потому что это было хуже. Этому ее тоже научили на Севере. Боль пройдет, а воспоминание об унижении останется.

Еще через день Славка при всех задрал Ленке юбку и спустил колготки вместе с трусами. Держал, пока Ленка визжала и отбрыкивалась. Еще и крутил так, чтобы всем было видно.

Марину больше не трогали. Девочки объявили ей бойкот. Марина гуляла с парты на парту, пока не остановилась на Сереже – вечно больном всеми болезнями сразу классном гении – уважаемом изгое. Сережка неделями болел, и Марина сидела одна. Когда он выходил, они играли в морской бой. Иногда подходил Славка и просил сорвать урок. Марина сговаривалась с Сережкой, и они срывали – в основном историю или литературу, задавая вопросы не по программе. Сережка приносил Марине книги из своей домашней библиотеки, чтобы было проще сорвать.

В десятом классе Сережка перешел в другую – физико-математическую школу. Впрочем, оказался настоящим другом. Когда Марина подхватила ветрянку и сидела перемазанная зеленкой, немытая дома, он приходил – приносил книгу, выходил с ней гулять, когда было уже темно. Во время одной из прогулок Сережа сказал, что Марина – его единственный друг. Марина была польщена и зарделась краской под зеленкой. «Я еврей, а ты не красавица. Поэтому мы можем общаться», – продолжал говорить Сережа. Марина не очень поняла про еврея, потому что после Осетии и Севера ей было абсолютно все равно – еврей, осетин, татарин, хоть негр – она вообще об этом не задумывалась. Но про «не красавицу» она поняла сразу. «Больше не приходи ко мне», – сказала она и побежала домой. Сережа остался стоять и думать о своем. Больше они не общались. Марина осталась одна.

Началась информатика. В учителя информатики – Юрия Константиновича – были влюблены все девочки поголовно, включая развитую не по годам Ленку. Юрию Константиновичу было тридцать лет, и он казался не очень старым, но уже очень взрослым. Ленка выставляла длинную ногу в проход и без конца ушивала школьную форму. Марина писала в проверочных работах стихи – про неразделенную любовь, про девичьи страдания. Неизменно получала тройку. Однажды Юрий Константинович оставил ее после урока и попросил больше не писать. Он все понимает, уважает ее чувства, но она еще маленькая, и это у нее пройдет. Марина сидела за первой партой, не поднимая глаз.

На выпускном вечере она прочитала стихи собственного сочинения, посвященные Юрию Константиновичу. Про дружбу, теплоту и доброту. Хулиган Славка с подельниками принесли в рюкзаке бутылку шампанского, водку и пиво. Под столом смешивали коктейль и давали всем желающим. Марине налили «по старой дружбе». Марина выпила и задохнулась. Отошло, появилась уверенность в себе. Марина посмотрела по сторонам – Славка хватал за коленку Ленку. Ленка хохотала так, что из корсета платья выпрыгивала пышная грудь, и сдергивала руку. Преподаватели сидели за отдельным столом. Юрия Константиновича не было. Объявили белый танец. Ленка увела Славку танцевать. Марина вышла из актового зала – ей было некого пригласить. У подоконника стоял Юрий Константинович и курил. Пепел сбрасывал в стянутый с пачки сигарет пластиковый пакетик. Марина подошла и вдруг сказала: «Можно вас пригласить?» Юрий Константинович затушил сигарету о подошву ботинка и пошел в зал. Марина догоняла. Они застали последние аккорды песни. Юрий Константинович церемонно поклонился и отвел Марину на ее место. Довел до стула и ушел в коридор. Марина посидела и вышла. В коридоре его не было. Она пошла в кабинет информатики. Юрий Константинович сидел за столом и читал книгу.

- Что вы читаете? – спросила Марина.
- Вестерн. Ты знаешь, что это такое?
- Смотрела, но не читала.
- Это любопытно. Хотя тебе вряд ли понравится.

Марина взяла книгу, полистала.

– Почему ты ушла? – спросил Юрий Константинович.

– Скучно, – ответила Марина и положила книгу на стол. – А давайте здесь потанцуем? Музыку же слышно? – предложила она.

Что было дальше – Марина осознавала с трудом. Славкин коктейль, духота... Ей было жалко колготок, которые порвал Юрий Константинович, и болела нога – ударилась о парту. Юрий Константинович стоял у открытого окна и повторял:

– Что я наделал?! Я не должен был, не имел права! – причитал Юрий Константинович.

– Я пойду? – спросила Марина.

– Давай я тебя провожу, – предложил Юрий Константинович.

– Ну давайте.

Они шли медленно. Марина замерзла и устала. Очень хотелось спать. А Юрий Константинович говорил, говорил. Марина сначала отвечала: «Да, да», – потом только кивала.

Юрий Константинович был женат. Жена хорошая, но его не понимает. Постоянно требует денег. Растет дочка. Опять деньги. Информатика, школа – это приработок. А настоящее – вестерны. Он их переводит. Но это не приносит дохода. Копейки. Книги не распродаются – отечественному рынку не нужны вестерны. А его переводческие усилия может оценить только горстка поклонников жанра.

– Ты меня понимаешь? – спрашивал Юрий Константинович.

– Да, да, – отвечала Марина.

Он довел ее до подъезда, неловко поцеловал в щеку и ушел. Марина тихо открыла дверь, зашла в комнату и легла не раздеваясь.

Марина легко поступила в институт. Про Юрия Константиновича забыла напрочь – экзамены, новые знакомые. Мать с поступлением помогла. Звонила, передавала через Марину пакеты и конверты. Она знала – деньги, подарки, но молчала, хотя была уверена, что может и сама поступить. Но не собиралась это доказывать – все равно ее никто не поймет и не поверит. Мать говорила, что лучше перестраховаться. Убедившись, что дочь благополучно поступила, отправила ее отдыхать – в студенческий лагерь в Германию. Марина оказалась за границей впервые. Две недели в совершенно другом мире. Уезжая, украла из туалета рулон туалетной бумаги с выбитыми зверушками. Марине это казалось чудом. Кража представлялась оправданным поступком.

В Москве ее должна была встретить мать. В самолете все обменялись телефонами, Марина предлагала подвезти кого-нибудь до дому – мама же будет на машине. Они шли сквозь строй встречающих. Марина высматривала знакомое лицо. Кто-то крикнул: «Марина!» Она обернулась – звали не ее. Группа разъехалась. Руководительница постояла с Мариной еще полчаса, поглядывая на часы, и тоже поехала домой – ее ждала своя семья.

Марина стояла в аэропорту одна и думала, что делать дальше. Подходили мужики и спрашивали: «Такси?» Марина качала головой: «Нет». Подходили милиционеры, смотрели паспорт, спрашивали, что она тут стоит одна. Марина отвечала: «Мама сейчас приедет. Опаздывает». Убеждала себя, что мать уже едет, спешит. Часы показывали три часа ночи. Значит, она стоит так с половины второго. Марина стояла на одном месте, боясь пойти позвонить.

Так ее научила мать, когда потеряла на вокзале. Марине было лет шесть. Они опять куда-то ехали. Мать побежала в буфет купить что-нибудь поесть и велела дочери не двигаться с места. Марина не удержалась и пошла к киоску посмотреть пластмассовые игрушки. Ее нашел милиционер. Крепко взял за руку и повел в какую-то комнату. В комнате стояла мать. Перед ней сидела женщина и говорила в микрофон: «Марина Крылова, твоя мама ждет тебя в комнате информации. Потерялась девочка, шести лет. В красной куртке...» Тогда мать, сначала отшлепав ее, сказала: «Никогда не уходи. Стой на одном месте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.